
эрин гесс
ОНШТАДТ
человеческий фактор
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Эрин Гесс
Онштадт.
Человеческий фактор

https://litres.ru/74908728
SelfPub; 2026

Аннотация

Женщина в Онштадтской республике не имеет права на слово «нет». Власть здесь принадлежит военным, а цифровые технологии запрещены после Великого Сбоя, когда мир откатился на столетие назад.

София научилась выживать даже здесь: у неё есть приличная работа, цепкий ум и статус жены офицера. Но нет главного, за что режим способен её уважать – ребёнка.

Хрупкое спокойствие рушится окончательно, когда Республика обязывает её мужа – бойца с позывным Локо – исполнить указ о многоженстве. Так в доме появляется беженка Тисса, которая натыкается не только на тихую ненависть хозяйки, но и на жёсткость самого капитана.

Никто не догадывается: Тисса попала в Онштадт не случайно. У неё есть цель и почти идеальный план. Почему «почти»? Он предполагал, что она сможет презирать сурового штурмовика до конца.

Содержание

От автора	4
1. Знаешь, что я сегодня написала?	6
2. Трофей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эрин Гесс
Онштадт.
Человеческий фактор

От автора

Пара слов для читателя перед входом в суровый Онштадт.

Мне давно хотелось поселить своих героев на острове-крепости, и силуэт Кронштадта оказался для этого идеальной основой. Открывая первую главу, помните: вы входите в альтернативную реальность. Все политические обстоятельства, законы, военные структуры, имена и судьбы здесь – плод авторской фантазии. Но персонажи помнят мир до Великого Сбоя и ту историю, которую мы с вами знаем из книг.

В тексте есть:

– откровенные сцены, далекие от романтики и глянцевого БДСМ;

– военные будни, жестокость и сцены гибели людей;

– давление системы, диктатура, кастовость, принуждение и дисбаланс сил;

– сломанные судьбы, ПТСР, надежда и борьба за идеи;

– технофобия, помноженная на суеверия;

– капля мистики.
Путь на дамбу открыт. Увидимся в Онштадте.

1. Знаешь, что я сегодня написала?

София перечитала текст и возненавидела себя за то, что получилось хорошо.

Даже сегодня она требовала от себя идеальной работы. Такой, чтобы в самой Ратуше довольно хмыкнули после прочтения. Она просто не могла отдать в печать сухую заметку, которая звучала бы как дурацкий анонс.

Нет, в субботний номер пойдёт другое. *«Признание заслуг капитана Эйзена стало манифестом самой жизни: Республика вверяет одному из своих лучших бойцов право стать опорой для нового союза».*

Она заправила лист в валик печатной машинки, чтобы перенести чистовик на бумагу для вёрстки. Но ещё до того, как пальцы дотронулись до клавиш, на чистый лист упали слёзы.

Год назад она не смогла бы расплакаться прямо на рабочем месте – рядом сидели другие сотрудники газеты. Потом молодая девчонка-корреспондент родила двойню и ушла в декрет, а ворчливый главред был сослан за дамбу после того, как в его вещах нашли рабочий ноутбук. Эту штуку залили кислотой в тот же день, прямо у порога, и теперь резиновый коврик прикрывал уродливые следы.

Так в газете остались только София и тихий печатник по имени Ваня, который гонял на электросамокате и старался лишний раз не попадаться ей на глаза.

– Сорок минут прошло, госпожа редактор.

Военный секретарь Воронов заслонил собой проход в ко-

ридор. Плотная кожаная куртка поскрипывала от малейших движений, а под мышкой виднелась чёрная папка. Она у него к руке приросла, что ли?

– Мне нужно ещё немного, – сказала София и постаралась незаметно смахнуть слёзы рукавом.

– Вам было нужно полчаса. Вы их получили. А я, как человек понимающий, ещё и шёл не спеша, чтобы вы точно успели. Могу одним глазком взглянуть, да?

Воронов не спрашивал. «Да?» в конце было его нелепой попыткой казаться живым человеком, а не исполнителем. Он вытянул лист с рукописным текстом из-под локтя Софии. Читал быстро, по диагонали, как делают те, кому важны не смысл, а нужные слова.

– Отлично! – сказал Воронов. – А про «манифест жизни» как хорошо вышло, а? Но я бы добавил в конце пару слов о заботе Республики. Скажем… о!

Карандаш выскользнул из нагрудного кармана. Сразу под текстом Софии секретарь размашистым почерком вывел ещё одну фразу:

«Республика помнит о каждом доме, где ждут детей».

Дом, где ждут детей. София уже почти пять лет знала этот дом изнутри. Ей не ставили ничего в вину, по крайней мере вслух. Городской врач была безупречно вежлива, но в карточке расписывалась пренебрежительно-резко.

– Внесите мою правку. А потом можно и в печать передать, – отрезал секретарь.

Он поднял глаза, чтобы вернуть лист, и увидел мокрые щёки девушки. София не всхлипывала, не двигалась. Как будто даже не дышала.

– Не нужно, – сказал Воронов с притворной мягкостью. – Вы же мудрая женщина, госпожа редактор. И прекрасно знали, что до капитана очередь тоже дойдёт. В конце концов, кто напишет о его второй свадьбе лучше, чем вы? У вас же золотая голова, госпожа редактор!

София взяла себя в руки, без единой ошибки отстучала на печатной машинке текст с правкой военного секретаря и извлекла лист. Воронов взял бумагу двумя пальцами, как берут пахучую рыбу, и ушёл в сторону типографии.

Послезавтра утром новость прочитает весь Онштадт. Браки офицеров анонсировали не ради того, чтобы пригласить горожан на банкет. Это было молчаливое напоминание: вот как мы должны жить.

«Неужели Миша ничего не придумает?» – крутилось у Софии в голове с тех самых пор, как поползли первые слухи. И почему-то у неё долго получалось убеждать себя, что он найдёт выход. Рванёт на себе рубаху в Совете и скажет, что верность для него – святое.

Наивная дурочка.

И Миша – последний дурак.

Правда, в паспорте, который ему уже не довелось сменить в двадцать, гордо красовалось «Михаэль». София не верила, пока он не показал разворот лично.

«Капитан Эйзен» звучало уже совсем иначе. Так его называли в Совете. Так было написано на шевроне его чёрной формы. Так на материке по обе стороны от дамбы звучал смертный приговор.

Бойцы называли его Локо. Позывной прилип ещё до капитанских погон. Он был как локомотив, как таран, который раздавит всё, что брошено на рельсы.

Была только одна проблема – он мчал в ту сторону, в которую ему указывал Совет.

Девушка подождала, пока скрип куртки Воронова не растворится в тишине коридора, и медленно поднялась со стула. Над её головой горела крошечная жёлтая лампочка, света от которой было так мало, что к вечеру глаза начинали болеть. София щёлкнула выключателем и, двигаясь в темноте по привычке, добрела до двери на улицу.

На Якорной площади было людно. Издалека казалось, что приехал парк развлечений – тот самый, как в детстве. Цветные зонтики, фургоны-кофейни, столики и стулья под навесами. И только вблизи становилось понятно, что это лишь отголоски прошлой жизни.

Латте больше не было – только чай в картонных стаканчиках. В морозилке выцветшим рисунком эскимо на борту лежала рыба вместо ванильных брикетов и шоколадных рожков. Круассаны сменились старыми добрыми пирожками.

София шла по рядам и лениво рассматривала витрины.

Торговка с красными от холода руками заворачивала оку-

ней в бумагу, и девушка рефлекторно выхватила глазами текст: *«Западный сад дал рекордный урожай»*. Окунь смотрел на неё из-под её же слов мутным глазом. София старалась не думать о том, почему овощные прилавки на самом деле стоят полупустыми.

Ветер усилился. Он уже не просто игрался в кудрявых рыжих волосах Софии, а нагло спутывал их и швырял пряди на лицо, закрывая обзор. Она достала из кармана старую резинку и перетянула пышную копну, а затем нахлобучила сверху капюшон. Так она почти никого не видела. Может, и её теперь тоже никто не увидит?

– Сонь! Со-о-онь!

Она машинально обернулась.

Двоюродная сестра сидела на перевёрнутом ящике за потёртым красным столом – тем самым, за который на второй год после Сбоя устроила драку на развалинах летнего кафе. Таня совсем не походила на Софию. Высокая, крепкая, темноволосая, с руками по локоть в тату с шипастыми розами. Такой же у Тани был характер – почти мужицкий. Приди к такой среди ночи за помощью – обматерит с порога, но отдаст последнее.

– Ну подойди, не кусаюсь! Месяц тебя не видела! – голос был прокуренным и низким.

София вздохнула и развернулась.

– Глаза красные, – без предисловий бросила Таня, окинув её цепким взглядом. На столе перед ней ровными рядами ле-

жали стальные пинцеты, заколки, запечатанные пачки белья и несколько тонких серебряных цепочек. – Значит, не врут. Завтра?

– Откуда ты знаешь? – тихо спросила София.

Угадать Таня не могла. Выходит, слухи вытекли за стены Комиссариата раньше, чем высохли чернила на приказе.

– В Совете женщин треплются. Я с августа туда хожу, иначе место в торговом блоке не выбить. – Таня опёрлась крупными обветренными ладонями о край стола и наклонилась ближе. – Сонь, ты только сопли не распускай. Ты – первая. Её к тебе в квартиру приводят, а не тебя к ней.

Сестра вдруг наклонилась под стол. Немногие знали, что там, в непрозрачном чёрном органайзере, лежали флаконы с дефицитными духами. Всё то, что разведчики приносили из Петербурга в последние годы. София не хотела думать, что именно Таня предлагала им взамен за такую добычу.

– Держи.

– Тань, не надо… – качнула головой София.

– Бери, кому сказала. – Таня резко перехватила её за запястье, вытянула руку из кармана и вложила холодный флакон прямо в ладонь. – Настоящие, не паль из перехода. Считай, к Новому году подарок тебе.

До Нового года оставалось почти три месяца.

София покрутила флакон в пальцах, осторожно сняла колпачок. Из стекляшки пахнуло прежней жизнью: сладкий миндаль, карамель и лёгкая нота ванили.

– Сегодня перед спальней брызнись. На шею и на запястья, только не переборщи. Пусть твой Эйзен помнит, кто в этом доме настоящая женщина.

София сунула флакон в карман и застыла прямо так. Ей придётся напоминать ему, что она настоящая женщина. А что дальше? Начать заискивать, просить или ставить ультиматумы?

Таня заметила внезапную заминку.

– Ну чего опять скисла?

– Тань… как это вообще происходит со вторыми? Ну… *это*. В первую ночь?

Таня набрала воздуха, но не успела ответить: к прилавку подбежали две девчонки в застиранных пуховиках. Пока одна жадно смотрела на кольца и крабики, вторая цапнула серебряную цепочку с бархатной подложки.

– Руки, – сухо рявкнула Таня, не повышая голоса. – Надумаешь покупать – приходи с родителями. Знаю я, как вы воровать горазды.

Сёстры подождали, пока девочки скроются за углом, и Таня снова посмотрела на Софию. На этот раз без привычного высокомерия бывалой товарки.

– В законе про это ни строчки нет, Сонь. Как мужик решит, так и будет. Кто-то в первый же вечер затащит в комнату, а первой жене впору в ванной на полную воду включить, чтобы ничего не слышать.

Она замолчала на секунду, покрутив на пальце массивное

серебряное кольцо. Не обручальное – она его не носила. Вторым жёнам оно не полагалось, как и новая фамилия.

– Был бы мой тогда парнем нормальным, я б, может, и сама ждать не стала. – Таня коротко усмехнулась. – Но ты ж Пашку моего видела. Ему тогда уже за сорок было. Указу и года не было, всех баб вторыми женами себе разобрали аксакалы и чинуши. Меня от одной мысли, что он ко мне полезет, выворачивало.

София замерла, глядя на сестру. Таня редко вела с ней настолько откровенные разговоры – может, не думала, что Софии нужно знать всю эту грязь. А вот сегодня и правда понадобилось.

– А он, прикинь, месяц меня пальцем не трогал, – тише добавила Таня, глядя в серую толпу. – В казарме на мужиков орал, а дома – тише воды. То банку персиков мне из снабжения притащит, то ботинки нормальные достанет. Как собаку бездомную прикармливал. Я уж выдохнула, дура. Думала, ну всё – старый он, не надо ему ничего, просто жиличкой при нём останусь, хозяйство тянуть…

Таня дёрнула уголком рта. Потом набрала полную грудь воздуха и протяжно выдохнула.

– А ровно через месяц пришёл со смены, куртку прямо в коридоре скинул. Свою Надьку загнал в комнату, а сам ко мне припёрся. Мы с ним за тридцать дней даже за руку не держались, Сонь. А он встал в дверях, ремень расстегнул и говорит так спокойно, по-хозяйски: «Ну что, Татьяна. По-

привыкли мы друг к другу? Хватит в прятки играть». И всё.

Ветер рванул край клеёнки на соседнем столе. Казалось, за эти две минуты на площади похолодало ещё на пару градусов.

– Твой Миша – другой, – жёстко сказала Таня, но теперь её голос звучал без нот скрытой боли. – У него устав в башке, такие над бабами не издеваются. Всё сделает тихо, по-человечески, когда решит, что пора. Только ты себе сказок не сочиняй, Сонь. Сделает. Обязательно.

София шла домой, не глядя по сторонам. Не искала глазами привычные шинели патрульных, на автомате миновала длинные бараки для разнорабочих. Ноги сами привели её в офицерский квартал с ровными домами из красного кирпича, где фонари горели ярче, чем на улицах вокруг самой Якорной площади.

В груди всё жгло от подступающих слёз, но заплакать здесь, почти на крыльце, стало бы настоящим позором. София заставила себя выпрямить спину.

Хорошо. Если устав Республики выше всего, если Миша принял это решение, если он и правда готов пустить в дом чужачку – значит, так тому и быть. Но София не станет молча ждать в углу. Она не будет той кроткой первой женой, которая включает в ванной воду, чтобы не слышать стоны.

София опередит его. Она сделает всё сама.

Не станет устраивать сцен. Она просто уберёт свои вещи

из спальни. Сама уйдёт в ту небольшую гостевую комнату. Пусть он каждый день видит эту закрытую дверь. Пусть знает, какую цену на самом деле имеет его решение.

Постель в их спальне будет свободна – и капитан сможет привести туда кого хочет. Пусть спит с чужачкой на тех самых подушках, которые София взбивала каждое утро. Пусть смотрит в тот же самый потолок.

Но её – Софии – там больше не будет.

На кухне горел свет. Жёлтая полоса из приоткрытой двери лежала на полу, слегка изгибаясь там, где вздулся старый ламинат. Из душевой, прикрытой не до конца, в прохладный коридор вываливались клубы пара. Пахло мылом – не тем серым и каменным, которое продавали на рынке, а чистым, белым, какое Миша приносил с вылазок в Петербург.

Муж редко возвращался домой раньше неё. Но сегодня он опередил Софию, и она знала почему. Девушка сделала шаг, и пол скрипнул в том самом месте, где лежала полоска света.

– Соня? – раздалось из-за двери, и голос был таким тёплым, что она непроизвольно поджала губу. – Ты?

Он вышел из душевой. Тёмные волосы порядком отросли, и теперь было отчётливо видно, что они слегка вьются. Локо был на голову выше неё, крепкий и собранный. Кожа с тёплым оттенком казалась чужеродной на фоне балтийской мглы. Он мог не видеть солнца неделями и всё равно оставался таким – наверное, отчасти в этом был секрет его немного хищной красоты. Или в строгой линии подбородка.

А может, в горбинке на носу, которая напоминала Софии профили со старых монет.

Господи, как он красив. Не глянцевой красотой плакатных мальчиков, а суровой и при этом почти будничной.

Локо поправил полотенце на шее и остановился у стола. Спустя ещё мгновение отвернулся к плите, чтобы разлить чай. В этом движении угадывался простой и понятный мотив: он хотел занять руки, чтобы не стоять истуканом в центре огромной кухни.

В обычной жизни он никуда не спешил. Двигался неторопливо, экономно, как зверь, которому незачем суетиться на своей территории. Но сегодня эта выдержка дала трещину. Заметить это могла только та, что выросла рядом с ним. Видела его сразу после триумфа и в дни, когда всё шло не по плану. Пауза перед движением чуть длиннее обычной. Пальцы, которые дважды проверили, не слишком ли горячая чашка.

– Чай ещё тёплый. Садись, – сказал Локо и отодвинул от стола стул, который предназначался для неё.

Он протянул ей кружку, и София коснулась фалангой пальца его ладони. Наивный жест, который для супругов становится почти невидимым, сейчас почему-то показался разрядом статического электричества. И вдруг перед глазами Софии встала ещё не свёрстанная полоса свежей газеты. Слова «заслуги», «союз» и «дети».

– Хочешь знать, что я сегодня написала? – спросила она

тихо.

Локо замер с кружкой в руке. В глазах мелькнула осторожность.

– Соня, ты опять много работаешь, – начал он негромко, но она его оборвала.

– Признание заслуг капитана Эйзена стало манифестом самой жизни: Республика вверяет своему лучшему бойцу право стать опорой для нового союза, – повторила София с полной боли улыбкой, будто кто-то обжёг ей кожу на щеках. – Красиво, правда?

Локо осторожно поставил кружку на стол, будто боялся разбить её.

– Соня…

– Ты хоть пытался сказать им «нет»? Хоть раз? Хоть с глазу на глаз самому Егорову? Разве он не прислушался бы к тебе, Миша? После всего, что ты сделал для этого проклятого острова?!

– Нельзя сказать «нет», – ответил он тихо. – Это не просьба, Соня, это указ. Городу нужно выживать.

Он сцепил пальцы в замок и подождал, скажет ли что-то София. Но она позволила ему продолжить, и он заговорил снова:

– Той новенькой нужен кто-то, кто в состоянии заступиться за неё. Республика спихивает таких, как она, на тех, у кого есть ресурсы вытащить сразу двух женщин.

– А может, и трёх? – вырвалось у Софии.

– Если нужно – то и трёх, – выпалил в ответ капитан.

Он отодвинул кружку и поднялся. Обошёл стол, потом стул, на котором она сидела, и остановился у неё за спиной. Она не видела его лица, только чувствовала тепло, которое шло от него, и запах мыла, и это было нечестно, нечестно, нечестно, не…

Его ладони легли ей на плечи. Мягко, осторожно, так, как он касался только оружия вне боя и её тела.

– Послушай меня, – сказал он у самого её уха. – Ты останешься первой. Ты всегда будешь той, кого я люблю. Просто в Республике семья…

Первая. Первая – уже не единственная.

София дёрнула плечами так резко, что его ладони соскользнули. На миг они остались в воздухе, как две оборванные фразы. Девушка вскочила со стула и круто развернулась, пронзив его взглядом.

– Не смей говорить со мной, как на политзанятиях, – выдохнула она, и голос её дрогнул от ненависти к собственной слабости. – Да будь Совет хоть сто раз прав, я не хочу, чтобы это коснулось нас! Не хочу!

Она сделала ещё шаг назад, намереваясь выскользнуть из кухни через арку, но упёрлась лопатками в прозрачную дверцу, за которой стояла посуда. Локо шагнул следом. Его ладони легли на стекло по обе стороны от её головы, и сервиз в кухонном шкафу задрожал. София могла проскользнуть одним движением под его локоть, но вместо этого застыла, слу-

шая позвякивание прямо за своим затылком.

– Соня, – голос Локо с потрохами выдал, что от прежней спокойной выдержки не осталось и следа. – Это уже касается нас обоих.

Он подался вперёд и теперь был совсем близко.

– Уйди, – процедила она, упираясь ладонями ему в грудь. Его сердце колотилось так тяжело, будто он только что пробежал марш-бросок. – Миша. Я не хочу… я не смогу быть с тобой, как прежде.

Она смотрела в тёмный угол. Именно поэтому слова ещё давались ей легко.

– Соня, – сказал он тихо. – Скажи мне это без крика. Глядя в глаза. Если скажешь всерьёз, я уйду. Прямо в эту секунду.

– Миша…

– Посмотри на меня, Соня, – в его голосе появилась ярость. Та самая, которая сжигала всё на своём пути за пределами города и была такой редкостью здесь, в этом доме.

София не хотела смотреть. Она судорожно вспоминала всё, чем собиралась защищаться.

Кровать. Та деревянная кровать, что стоит в гостевой комнате в конце коридора. Закрытая дверь, мимо которой он будет ходить каждый день. Подушки, которые она больше не взбьёт. В этом плане было всё: гордость, расчёт, месть. Не хватало одного – смелости произнести слово, которое капитан Эйзен примет всерьёз.

Потому что он не блефовал. Никогда. Скажи она «уйди», и он уйдёт. Закроет за собой дверь тихо, чтобы не хлопнуть, и заберёт с собой то самое «ты останешься первой». Развода не будет, никто на этом острове их не разведёт. Они останутся рядом, но не вместе. Арифметика простая.

Его ладони на стенках шкафа чуть дрожали. Он тоже боялся. Человек, который ходил на Большую землю и возвращался с чужой кровью на бронежилете, стоял перед ней и боялся одного-единственного слова.

Она открыла рот, жадно втянула воздух для финального удара.

– Не могу, – сказала София. И сама взяла его лицо в ладони, притянув к себе.

Дверь в спальню поддалась под напором его плеча и ударилась о стену.

Локо опустил Софию на кровать. В полумраке он неловко, не с первого раза расстегнул пуговицы на её блузке – пальцы, которые в темноте могли починить какое угодно оружие, путались в маленьких кругляшках. София не помогала. Когда ткань разошлась, Локо замер на мгновение, а потом наклонился и прижался губами к её животу ниже рёбер. Потом – ещё ниже, почти у самого ремня плотной юбки.

В голове промелькнула мысль, и это было как явление свыше.

Пять лет тишины. Пять лет унизительных вопросов и да-

вящего бессилия по утрам, когда на белье снова проступала кровь. Но что, если все эти годы они просто жили слишком… правильно? Вдруг жизнь в этом проклятом городе не зарождается от нежности? Вдруг их будущее должно высечься именно сейчас – на самом краю пропасти?

Пока за стеной ещё пусто. Пока этот дом принадлежит только им двоим.

На джинсовой юбке до колен было четыре пуговицы. Локо расстегнул две верхних, и этого было достаточно, чтобы ухватиться руками за ткань и стащить её с бёдер Софии. Движение было резким, где-то внизу затрещала нитка, но Софии было плевать.

Господи. Как она хотела этой ярости. Той самой ярости, которую видели его враги за дамбой. Той самой, которая делала его солдатом. Это неправильно, что прикосновения убийцы в этой спальне всегда были щадящими, почти нежными. Это было неправильно.

Она сама развела колени, впуская его между бёдер. На мгновение сжала мышцы и крепче вцепилась ногтями в его спину, потому что какая-то часть Софии молила: пусть он войдёт резко, перестанет её беречь. Пожалуйста.

Локо навалился сверху. Его член упёрся в её половые губы, раздвигая их, и вжался в плотный бугорок клитора. Она вздрогнула и что-то нелепо промычала, почти прохныкала. А через секунду сама подалась бёдрами вперёд, насаживаясь на него, почти умоляя заполнить до предела.

– Миша… – зашептала она в его губы. – Сегодня. У нас получится сегодня, я знаю. Слышишь меня? Нам никто больше не нужен.

Он сжал её бёдра ладонями и вошёл до упора – одним резким, тяжёлым толчком. София вскрикнула, выгибаясь на подушках. Ей не было больно – тело давно привыкло к нему, к его размерам и ритму. Но ноги всё равно дрожали, а низ живота мучительно жгло желанием, от которого было одно спасение – отдать себя без остатка. Ей нравилось, как трещит под ними огромная деревянная кровать. Как его крепкие руки сминают её кожу, как он вжимает её в матрас, практически полностью закрывая худенькую Софию своим телом.

Она низко застонала на очередном рывке – и не узнала свой голос. Жадный, голодный, почти злой. И ей понравилось, как грязно это прозвучало.

– Соня… тише, я сорвусь и могу сделать больно, – выдохнул Локо ей в висок, пытаясь на секунду придержать свой вес на локтях.

– Не смей! – она с силой впилась ногтями в его мокрые от пота лопатки. Обхватила его поясницу ногами, скрестила лодыжки, притягивая обратно, вдавливая в себя до предела. – Не смей меня жалеть! Пожалуйста, не останавливайся!

Ей казалось, что если он покончит с аккуратностью, если выбьет из неё весь воздух, то внутри что-то наконец сдвинется с мёртвой точки. Её тело поймёт, кому оно принадлежит и чья кровь нужна этому острову.

Локо сорвался на гортанный стон, зарылся лицом в изгиб её шеи и ускорился. И от этого контраста – того, как его губы прижимались к её шее и как его член безжалостно вонзался в неё, – София сдалась первой. Нервы будто выползли из-под кожи – на несколько секунд ей стало больно от движений и хватки его пальцев. А потом на неё хлынула горячая волна, и София утопила затылок в подушке.

Собственное тело стало податливым и слабым. От этого вес Локо ощущался почти невыносимым, а его последние толчки – слишком острыми, почти болезненными. Но ритм сломался на очередном проникновении. Он не подался назад, а вогнал член ещё глубже. Продолжал проталкиваться под её надрывный стон, чувствуя, как она дрожит под ним.

Ей не хватало воздуха, когда он кончал в неё – кажется, это длилось целую вечность. В голове Софии пульсировала единственная мысль:

«Сейчас. Сделай это со мной сейчас».

Несколько долгих секунд Локо лежал на ней, не в силах шевельнуться. Кожа прилипла к коже, сердце билось о рёбра так гулко, будто этот звук шёл из стен. Тепло рассеивалось медленно. Крошечные потоки воздуха со стороны рамы холодили плечи Софии. Локо перекатился на бок и теперь лежал рядом, пока его дыхание постепенно замедлялось.

София не нашла в себе сил повернуться к нему и положить руку на грудь, как делала обычно. Не могла даже подтянуться за одеялом и набросить его на себя, чтобы скрыться

от холода. Но глубоко внутри, внизу живота, тепло не уходило.

Оно собралось в одну тёплую точку, и София накрыла её ладонью, как накрывают чужой секрет.

2. Трофей

Хочешь узнать общество получше – посмотри, чего оно боится. В Онштадте боялись громких женщин, техники и прямых вопросов. Тисса уже поняла, что здесь лучше держать язык за зубами и молча наблюдать. Ждать, пока кто-то проболтается сам или детали сложатся в чёткий пазл. А случалось такое часто.

Карантинный барак на отшибе острова встретил глухими бетонными стенами в полметра толщиной. Дело явно было не в заразе – иначе дежурная из Блока милосердия обходила бы пришлых по широкой дуге, а не заглядывала в каждый рот без маски, пересчитывая целые зубы.

Людей у газетного ларька строили парами и сверяли по списку ещё до открытия ставней. А потом полицейский в длинном мышином плаще следил, чтобы каждый унёс свежий лист с собой, и буравил взглядом любого, кто замедлял шаг у мусорного бака.

Молодая девушка плакала, сидя на крыльце женской консультации.

Всё это Тисса приметила за первые две недели карантина. Ещё неделя ушла у местных на то, чтобы вбить ей в голову правила новой жизни.

Сегодня её терпение вознаградили – отвели в офицерский санпропускник и поставили под горячий душ. Обычных пришлых гнали через общую баню по тридцать-сорок голов за раз. Там из ржавых леек лилась едва тёплая вода, а

один бурый кусок хозяйственного мыла ходил по рукам, пока не исчезал вовсе. Но здесь было лучше. Тепло. Почти чисто.

Дверь в душевую распахнулась без стука.

– Закругляйся, – скомандовала наставница. Грузная, с пронзительным голосом и тонкими бровями. Кажется, её звали Мария. – Ну давай, перекрывай воду! На тебя и так полбака потратили.

Тисса крутанула тяжёлый чугунный вентиль, и трубы натужно вздохнули, после чего затихли. Тепло слетело с распаренной кожи мгновенно. Обычно Тисса спокойно переносила холод, но эти пять минут под горячими струями разбаловали тело, и ступать босыми пятками на ледяной кафель совершенно не хотелось.

– Так, – наставница грузно плюхнулась на крашеный табурет, пока Тисса докрасна растиралась жёстким вафельным полотенцем. – Напомни-ка мне, девочка, ещё разок. Последняя кровь? Неделю назад?

– Девять дней.

– Отлично, – Мария с явным удовольствием вывела жирную галочку в разлинованном журнале. – Волосы суши давай. Мне тебя через полчаса приготовить нужно.

В животе у Тиссы натянулся ледяной узел. Не от самого факта того, куда и зачем её ведут. А от этой будничной бухгалтерии, в которой женское тело ничем не отличалось от мешка семенного картофеля. Тисса скосила глаза на аккуратную стопку своих вещей у стены. Плотная оливковая

куртка с глубокими карманами. Высокие разношенные берцы с крепкой шнуровкой. Джинсы с начёсом. Лучшее, что у неё было.

Она потянулась к лавке, но Мария резко прикрикнула:

– Э! Руки! Это оставь, в дезинфекцию пойдёт, вернём на неделе. Сегодня наденешь вот чего.

На край столика упал перетянутый бечёвкой свёрток. То, что лежало внутри, казалось чужим и нелепым: мешковатое платье из неотбелённого льна, ниже колена, с глухим воротом и длинными рукавами. Ни намёка на красоту – стандартный фасон швейного цеха, рассчитанный на то, чтобы ткань не жала, когда живот начнёт расти.

– Мне бы ещё ботинки, – тихо напомнила Тисса, натягивая колючий лён через голову.

– Ну само собой! Вот обувка.

На кафель шлёпнулись мягкие кожаные туфли без каблука. В таких далеко не убежишь. Особенно когда подошва тонкая, как бумага, а колодка мала минимум на размер.

Мария тяжело поднялась с табурета и подошла вплотную к девушке. В её движениях не было ни злобы, ни желания запугать – только сытое покровительство кладовщицы, которая упаковывает ценный инвентарь перед отправкой.

– К зеркалу встань. Погляди на себя. Ну, как? Смотри, как ладно сидит.

Из мутного зеркала на Тиссу смотрел кто угодно, но не она. И главным в этом отражении была вопиющая, выстав-

ленная напоказ беззащитность. Такая одежда хорошо смотрелась бы на домашней мышке, которая привыкла сидеть дома и не ждать удара со спины. Тисса не знала такой жизни, а потому казённый лён ощущался на плечах смирительной рубашкой, а тесные туфли – колодками на щиколотках.

Пока она переминалась с ноги на ногу, пытаясь притерпеться к боли в сжатых ступнях, Мария монотонно бубнила устав семейного общежития:

– Хозяйка в доме – первая жена. Без её спросу гостей на порог не пускать, продукты не трогать. Голос не повышать. В дела мужа не лезть. К оружию и амуниции офицера не подходить. С Комиссией по делам женщин быть как на духу. Спросят про мужа или про первую жену – отвечай без утайки.

Мария достала что-то с полки и подошла к Тиссе со спины. Широкая щётка с размаху впилась в спутанные после воды ветлые пряди.

– Голову не вертеть! – Мария дёрнула рукой так, что стало больно. – Ишь, волосы какие. Глаз радуют.

Тисса промолчала, сцепив зубы. Радовать чей-то глаз в её планы не входило, она рассчитывала обойтись обычной практичностью.

Дверь в предбанник снова отворилась. Ворвись внутрь какой-нибудь посыльный – Тисса бы и бровью не повела. Но первым в сырую душевую вползло холодное напряжение, и лишь секунду спустя оно обрело звук. Это был размеренный и гулкий стук каблуков по плитке.

Женщина, которая вошла в душевую, не представилась. Высокая, прямая как палка, в строгом костюме тёмно-синего цвета. Седые волосы были стянуты на затылке в такой тугой узел, что сухая кожа на висках натянулась. Клубы пара спешно убегали от её присутствия в чернеющий дверной проём за спиной.

– Госпожа председательница? – пролепетала Мария и нелепо, по-бабьи, изобразила что-то вроде поклона, прижав расческу к животу.

– Эту девчонку вы приготовили для дома капитана Эйзена? – стальным голосом спросила женщина в синем, даже не повернув головы к наставнице.

Мария часто-часто заморгала.

– Для… простите?

– Вы бумаги вообще не читаете?

– Госпожа председательница, ради бога! – наставница сжалась, втягивая голову в плечи. – Смотрела же, да видно, проглядела строчку! Я бы… я бы ей и обувь другую подобрала, и платье поприличнее…

– Платье сойдёт. Он не любит лишнего, – председательница шагнула ближе и в упор оглядела Тиссу.

– Может её хоть подкрасить немного, Ольга Павловна? – засуетилась наставница. – Румяна есть, тушь есть! Лента в косу! Чтобы хоть празднично смотрелось, а то и правда стоит как на выемку угля!

– Какой праздник, Мария? – повысила тон председатель-

ница. – Эйзен вот-вот вернётся с периметра. Если он решит оприходовать её в первую же ночь, она этой тушью все подушки в офицерском доме изгваздает. Оно тебе надо?

Председательница шагнула вплотную. От её костюма пахло сухим нафталином и въедливыми, давным-давно просроченными духами. Пальцы женщины легли на подбородок Тиссы.

– Повезло тебе, девчонка, – тихо выговорила Ольга, буравя взглядом светлые глаза Тиссы. – Другие из карантина за такую милость в ноги бы падали. Не к старшине неотёсаному тебя определили, не к ветерану безногому. К молодому капитану. У него паёк и норма снабжения – по высшему разряду.

Пальцы сжались ещё сильнее, заставляя голову Тиссы совершить что-то вроде принудительного кивка. Женщина продолжила:

– Но запоминай раз и навсегда: спрос с тебя будет тройной. Первая его жена надежд не оправдывает – уже пять лет проживает его жалование впустую. Но тебе я на раскачку столько времени давать не стану. Родишь в первый же год. Уяснила?

Тисса замерла, почти не дыша под этим ледяным прессом. Из слов председательницы она смогла извлечь чистое золото – информацию. Первая жена в опале у системы. Значит, в доме Тиссу встретит не просто соперница, а озлобленная, загнанная в угол женщина, которая будет оценивать каждый

её шаг с пристрастием палача.

– Уяснила, – выдавила Тисса.

– Вот и славно, – Ольга брезгливо оттолкнула её подбородок и бросила через плечо Марии: – Косу заплети поплотнее. Закончишь – я сама отведу её в комендатуру.

Ольга уверенно толкнула тяжёлую дверь в самом конце коридора и ввела Тиссу внутрь, как нашкодившего дошколёнка, хотя та и не сопротивлялась. В кабинете было прохладно. За обшарпанным столом с зелёной старомодной лампой сутулился дежурный писарь, но взгляд Тиссы пробыл на нём долю секунды, не больше. Рассматривать хотелось не его.

У окна, заложив руки за спину, стоял человек в чёрном.

Форма штурмовика сидела на нём с пугающей безупречностью. Плотная матовая ткань не отражала серый свет из окна – она его поглощала. Тяжёлый тактический ремень со стальной пряжкой туго перехватывал талию, собирая фигуру в монолит. На груди и предплечьях светлели две нашивки. Прямоугольник с дугой и расходящимися лучами она узнала сразу – стяг Онштадта, за пределами этого помещения он торчал повсюду. Второй шеврон тоже был ей знаком: литера «W». Точно – «Выборг». Элитный штурмотряд островитян.

Плохо. Очень плохо.

Капитан Эйзен повернул голову. Тяжёлый взгляд скользнул от её туго заплетённой косы до щиколоток в нелепых туфлях и вернулся к лицу. Ни ухмылки, ни мужского само-

довольства. Так проверяют стойку со снаряжением на предмет того, всё ли там на месте.

– Документы готовы, господин капитан, – пролепетал писарь, подвигая через стол серый бланк. – Осталась ваша подпись в журнале учёта и расписка о принятии на поруки.

Эйзен шагнул к столу. Тяжёлые берцы даже не скрипнули по половицам – и это был навык, поняла Тисса. Навык двигаться словно призрак, когда нужно. А когда нужно – рваться вперёд, как локомотив.

Размашистая подпись легла на бумагу. Эйзен положил ручку перед собой ровно под таким же углом, как она лежала до него. Ещё один навык. Такие, как он, незаметно подходят со спины, пока ты думаешь, что периметр чист. Делают свою работу и уходят, словно смерть навестила врага сама по себе и не действовала чужими руками.

Писарь взял бланк и выдал дежурную улыбку, глядя на офицера.

– Мне нужно что-то подписывать? – спросила Тисса, и в хмуром кабинете её голос показался до неприличия громким.

– Цыц! – Ольга толкнула её вбок. – Молчи, пока тебя не спросят.

– Нет, подпись девушки не требуется, – попытался снять напряжение писарь. – Ну, поздравляю с новым союзом на благо Республики!

Вот и всё. Такие здесь свадьбы.

Чинуша сгрёб бумаги в папку и торопливо выскользнул в коридор. Ольга вышла следом. Щёлкнул замок. Тишина в кабинете теперь ощущалась на коже как ледяная корка. Тисса поёжилась. Слышно было, как за окном ветер бьёт сухой веткой по стеклу.

Эйзен не спешил. Он снова заложил руки за спину, медленно развернулся и сделал два шага к ней. Остановился в полуметре – то ли учитывал чужое личное пространство, то ли сам не хотел быть слишком резким в первых жестах. Тисса не поднимала глаз. Она ждала чего угодно: сухого приказа «за мной», дежурной лекции о правилах дома или того, что он, как председательница, возьмёт её за подбородок, чтобы разглядеть получше.

– Тисса.

Она сработала идеально: лопатки сами сошлись, плечи развернулись, подбородок взлетел вверх, а позвоночник вытянулся в струну. Для кого угодно это был бы просто жест тотального внимания, но для волкодава вроде Эйзена – сигнальный свисток. Потому что лучшая ложь должна состоять из правды настолько, насколько это возможно.

– Где служила? – негромко спросил Эйзен.

Голос звучал ровно, почти буднично. Никто в карантине об этом не спрашивал. Следователи в бетонном бараке видели только светлую косу, обветренные руки и то, что она подходит по возрасту для деторождения.

– Нигде, господин капитан, – начала она разматывать клу-

бок своей легенды. – В охране ходила. С караванами.

Эйзен не шелохнулся. Только чуть склонил голову набок, рассматривая её лицо при сером свете из окна. Ждал продолжения. Он умел молчать так, что тишина давила на барабанные перепонки и вытягивала слова сама.

– Я с юга, из мест рядом с Гатчиной, – Тисса заговорила быстрее. – Маленькое поселение у Большой дороги. Деревня, можно сказать. Я сопровождала обоз, когда на поселение напали. Вернулась через трое суток – а там только головешки и вороньё. Даже хоронить некого.

Она замолчала и сглотнула, будто от подступившего к горлу кома. Приём старый, безотказный – люди всегда теряются перед чужим горем и либо перестают копать глубже, либо утешают. Этот утешать не стал бы точно.

– Я продала лошадей другому каравану и пошла на север. Шла дня три, пока не вышла к вашим постам и не попросила укрытия. Вот и всё.

– Охрана каравана, значит, – повторил Эйзен.

– Да. Там очень… очень неспокойно. Особенно в последние два года. Тут и там бандитские логова.

– Знаю, – согласился капитан. – Я ходил вдоль Большой дороги. Прошлой зимой.

Внутри у Тиссы похолодело. Если он был там зимой, он знает рельеф, знает стоянки и то, как на самом деле выглядят люди, которые в одиночку идут через эти места три дня подряд. Но капитан не стал ловить её на деталях. Или пове-

рил, или просто отложил этот разговор до лучших времён, когда за дверью не будут греть уши комендантские писари.

– Слушай меня внимательно, Тисса. Повторять не люблю.

Она кивнула, не поднимая глаз.

– Я рапорт на вторую жену не подавал. Но указ Совета не обсуждается, – отрезал он сухо, без тени жалости к ней или к себе. – Ты будешь жить в моём доме потому, что так решила Республика, а я привык выполнять приказы. Искать у меня сочувствия не надо.

Никаких утешений. Никаких «мы как-нибудь привыкнем». И парадоксальным образом от этой ледяной прямоты Тиссе вдруг стало легче: правила игры больше не нужно было угадывать.

– В моём доме есть хозяйка, – продолжил капитан. – Её зовут София. Для тебя её слово – закон. Если я увижу косой взгляд в её сторону или узнаю, что из-за тебя она проглотила хоть одну обиду, – карантин покажется тебе курортом. Уяснила?

– Да, господин капитан.

– Дома без «господина». Просто Михаэль. Или капитан – как тебе угодно, – он перевёл взгляд на её ноги в тесных кожаных туфлях без каблука и слегка нахмурился. – И ещё. Ты будешь жить в отдельной комнате. Дверь закрывается изнутри. Пока сама не привыкнешь и пока я не решу, что время пришло, к тебе никто не войдёт.

Тисса вспомнила жирный карандаш Марии, ставящей по-

метку в графе «последняя кровь», и слова председательницы про испачканные тушью подушки в первую же ночь. Значит, штурмовик не торопился пользоваться своим «правом лучшего бойца». Значит, первая жена для него – не пустое место и не просто строчка в домовой книге, несмотря на бездетность.

Ценная информация. Очень ценная.

– Домой пойдёшь без меня, – сказал Эйзен, переводя взгляд на мутное окно. – Меня ждут в Совете. До порога тебя доведёт постовой. София знает, что ты придёшь – не жди от неё любезности и просто попроси, чтобы она проводила тебя до комнаты.

По жестяному отливу сухо ударила первая горсть ледяной крупы. Погода портилась.

– Где твои вещи, Тисса?

– Одежду забрали на дезинфекцию. Дробовик конфисковали. Деньги тоже. Пока дали то, что на мне, и вон ту штуку, – она указала рукой на жуткого вида фуфайку, которую Ольга небрежно кинула на стул, чтобы не пугать офицера уродливым фабричным фасоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.